

Про Звездочёта

В лоскутных городах, построенных детством,
где узкая речка под мост горбатый течёт
и бьют часы на ратуше по соседству,
остался жить мой добрый друг Звездочёт.
Ходил он в высокой шляпе, лиловом фраке
и жил на самой высокой башне страны,
чинил часы и шкатулки, учил не плакать
и точно знал, откуда берутся сны.
От книг и чудес в его комнатке было тесно.
Он знал по манускриптам язык зверей,
он был смешной меланхолик, чудака, маэстро
калейдоскопов и радужных пузырей.
А я-то вечно – песни, драконы, брашна,
пещеры, конский топот и паруса...
Взбегала запыхавшись к нему на башню,
божилась, что уйду через полчаса.
А он заваривал липовый цвет и тихо
с улыбкой грустной расспрашивал ни о чём,
и счастье было простым, как у Эвридики,
когда б Орфей не глянул через плечо.
Любви у нас, по-моему, не случилось,
в семь лет не много думаешь о любви.
Но он учил, а я послушно училась
секреты звёзд выпрашивать для земли.
И, досчитав до тысяча двадцать третьей,
под тёплым пледом в скрипучем кресле спала.
В окно дышал весёлый западный ветер
и ходики шептались по всем углам...

Он мог бы нынче слёзы мои унять.
Но нет Звездочёта, башни.
И нет меня.

Молитва о странниках

Я знаю, знаю – мои молитвы немного стоят,
но часто шёпотом их повторяю всё же:
того, кто, странно со мною схожий, шагает с песней простою,
того, кто зловещей в горах тишины старается не встревожить,
кто спит на ладони плацкартной полки, обтянутой грубой кожей, –
крепче храни их, Боже,
если можно.

Все скитальцы, плуты, сновидцы, стрельцы, художники,
трубадуры частушек матерных, паладины затерянных улиц,
мы до дня посвященья дороге однажды дожили,
на коленях ей присягнули – и уйдя в поход, не вернулись.
Крепче храни нас, Боже,
если можно.

Все мы птицы в Твоей горсти.
Это Ты ведёшь нас на битвы
за святыню любовных писем,
за бессонницу в светлой спальне.
И когда неумело мы шлём цифровые свои молитвы,
это Ты нам чужою рукой отсылаешь ответные смайлики.
Крепче храни нас, Боже,
если можно.

Нас высокая наша присяга несёт и швыряет по миру,
разнося по сердцам и по храмам осколки всех наших песен.
И когда мне июньскою ночью звонят с незнакомого номера –
это Ты, и Тебе 20 лет, и Тебе тоже мир неизвестен.
Крепче храни нас, Боже,
если можно.

И когда вдалеке поезда стонут раненым зверем
и я слышу опять запыхавшееся их дыхание, –
это братья мои, и звучит молодой Символ Веры,
а слова его невозможно вызнать заранее,
а слова его – это синие звёзды весны
и весёлый гомон, что снова в городе стих...
...Мы Твоим крещением, Господи, крещены
в триединую веру Дороги, Любви и Молодости.

Волоокая Гера неспешно заходит в троллейбус,
И ведóмая смертным ладья без помехи отчаливает.
...Прислоняясь к стеклу, наблюдаешь, как дома и аллеи
Мечутся в безднах, очерченных твоими очами.

Наступает ночь над твоей провинциальной Элладой.
Со смехом виснут на спутниках пьяные афродиты.
В переходах седые орфеи с хипповским взглядом
Бьются со смертью, приходящей даже в царство Аида.

Нынче сохраняют твои волосы запах лета –
Для тебя и шоссе порастает лавром и дроком.
Торопись к своей комнате, к светлым страстям Интернета...
Не пристало тебе принимать беспутного бога.

Выйди на остановке в великом молодом молчании,
Пусть хранят тебя, как родную, все ночные химеры,
Одиночество – знак богини, ты знаешь, печаль моя...
Волоокая Гера, моя волоокая Гера!

...И когда ты пригубишь запретную сладость вина,
Или губы твои встретят девичьих нежное пламя,

Вспомни – город сияющий! как бушевала весна!
И от счастья пружинил певучий асфальт под ногами.

Бились пыльные бури – и алый платок на груди,
Через улицы, вдаль – автолайнов упругие стрелы,
Изумрудный пожар под ресницами... А впереди –
Резкий запах цветущей рябины – и голос несмелый.

Деревянные чётки в таких непохожих перстах,
И два почерка розных, и строк стихотворных сплетенье...
...В поцелуе чужом моё имя прочти на устах,
Мой семнадцатилетний восторг, ту весну и смятенье...